

НИЖЕГОРОДСКИЕ ПОВЕРЬЯ О КОЛДУНАХ, УВОДЯЩИХ УРОЖАЙ

В последние десятилетия XX в., когда широкой размах получило изучение низшей славянской мифологии, привлек к себе внимание и такой мифологический персонаж, как колдунья (реже колдун), делающая *пережин*, т.е. магическим способом уводящая с полей чужой урожай [Терновская 1984; Ефимова 1997, 58–64; Агапкина 2002, 400–405; Виноградова 2004]. Русские поверья о ней исследовались с различных сторон, включая ареальный аспект бытования. Среди материалов, привлекавших к исследованию, были записанные на территории, смежной с Нижегородским краем (Владимирская, Костромская губ.), и в очень незначительном количестве использовался материал нижегородский – только из бывшего Варнавинского у., входившего до 1923 г. в Костромскую губ. Варнавинские материалы были получены в 1922 – 1923 гг. при распространении Костромским научным обществом анкеты «Куль и народное сельское хозяйство». Но, как отмечала О.А. Терновская, анализирувавшая более 1000 полученных ответов, Варнавинский у. в них представлен слабо [Терновская 1984, 120]. Таким образом, нижегородские земли пока остаются белым пятном на карте пережиночных поверий. Между тем в Фольклорном архиве ННГУ имеется значительный фактический материал, пока не введенный в научный оборот, который позволяет «закрыть» это белое пятно, внести дополнения в сложившиеся научные представления, а также выделить диалектные формы поверий внутри региона.

В Нижегородском Поволжье поверья о том, что колдуньи могут уводить урожай, были распространены только в Заволжье, Поочье и междуречье Оки и Волги выше Нижнего Новгорода. В правобережье Волги и на юге области, похоже, эти верования не были известны¹.

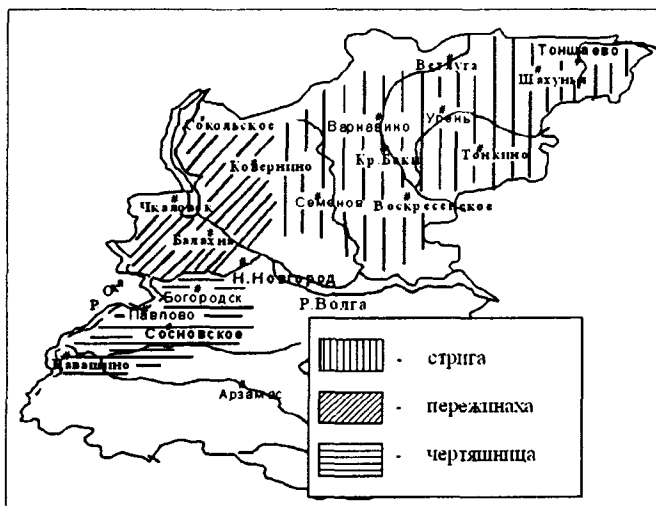
¹ Хотя, может быть, они просто не выявлены, поскольку в ходе собирательской работы не был проведен специальный тщательный их поиск. Нам встретился лишь один сбивчивый рассказ: «*Чтобы хлеб не уводили, когда жали, то клали семь крестов, по сто, что ли, снопов крестам раскладывали*» (зап. в 2000 г. И. Мочаловой и М. Скочигоровой от Веры Александровны Зеленовой, 1916 г.р., д. Мамлейка Сеченовского р-на [ФА ННГУ, 65-9-37]).

Там в рассказах о колдуньях, сохраняющих архаическое наименование *валха* (искаженное от *валхва*), об уводе урожая не упоминается.

В зоне бытования поверий интересующий нас персонажный тип при сохранении общей характеристики имел несколько диалектных названий: *стрига*, *пережинаха*, *чертяшница* / *чертятница* (в мужской ипостаси *чертяшник* / *чертятник*). Каждое терминологическое название распространено на определенной территории (карта 1). Ареал *стриги* – северо-восток области, в основном Поветлужье (Варнавинский, Краснобаковский, Воскресенский р-ны), примыкающий с запада Семеновский р-н и Заветлужье (Шахунский, Тоншаевский и Тонкинский р-ны). Наши предположения об узко локальном распространении термина (в нескольких селах Шахунского р-на) и связи его с культурой переселенцев из Вятского края [Корепова 1976] не подтвердились. В результате последующих полевых разысканий удалось выяснить, что термин распространен на значительной территории, но только в нынешних нижегородских границах и за пределами очерченного ареала не обнаружен. К этому же ареалу относится и первое печатное упоминание о стриге (бывший Варнавинский у. [Гнилицкий 1910]). Отметим, что ареал способа похищения урожая, по которому колдунья получила название (колосья *состригаются*), шире ареала имени *стрига*. В него входят, например, Ковернинский и Сокольский р-ны Нижегородской обл., Нерехтский [ТОРП, № 406], Солигаличский и Буйский у. Костромской губ. [Терновская 1984, 121].

Пережинахой колдунью называют в междуречье Оки и Волги (Балахнинский, Чкаловский) и в примыкающих заволжских (Сокольский, Ковернинский) районах. Термины, образованные от того же глагола, но в иных морфологических формах, широко распространены за пределами выделенного ареала: *пережница* (Меленковский у. Владимирской губ.), *пережинница* (Покровский у. Владимирской губ.), *пережинщик* (Солигаличский у. Костромской губ.), *пережинальщик* (Нерехтский у. Костромской губ.), но *пережинаха* – термин специфически нижегородский.

Термины *стрига* и *пережинаха* употребляются только в женском роде. В ареале названия *пережинаха* встречаются упоминания о мужчине, делающем пережины, но в этом случае он называется просто *колдуном*. Парного названия от глагола *пережинать* ему здесь нет. Оба термина – *пережинаха*, *стри-*

Карта 1. Название колдуна, уводящего чужой урожай.

га – отражают предикативные свойства мифологического персонажа, но в одном (*пережинаха*) – общий вид вредоносного действия (*пережать* – выжать узкую полоску, тропинку в хлебном поле, сделать *пережин*), в другом – конкретный способ пережина (*состричь* колосья и таким образом сделать пережин).

В ареале нижегородского Поочья не было термина, отражающего «специализацию» колдуньи / колдуна. Уводящих урожай здесь называли *чертяшницей* / *чертяшницей* – термином, отражающим отношения мифологического персонажа внутри демонологической системы: *чертяшница* «с чертями знается», уводить урожай ей помогают черти – «беси»². В то же время на смежной территории, во Владимирской губ., специализированные термины отмечены: *спорыньевщик* (Александровский у. [Поздняков 1899]), *пережница*, *пережница*.

В переходной зоне от ареала *пережинахи* к ареалу *стриги* (в Городецком р-не), а также на северной и восточной границе ареала (в Ветлужском и Тоншаевском р-нах) поверья о колдунах, пережинающих поле, были извест-

² В сравнении с пережинахой и стригой чертяшница обладает большим набором функций: она не только отбирает урожай, но и портит скот (отбирает молоко), людей (насылает болезни) и т.п.: «У нас говорили, что чертяшники людей портят, скотину: то малоко у коровы отнимут, то бок вздуется» (зап. в 1997 г. Ю.М. Шеваренковой от Нины Павловны Исаевой, 1919 г.р., д. Шишкино Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-7-33]), т.е. она совершает все вредоносные действия, свойственные ведьме.

ны, хотя, похоже, менее популярны. Там сохранялся типичный для комплекса набор мотивов (пережин крест-накрест, оборотничество пережинающей женщины, белая одежда у нее, попытка убить ее и др.), но имени у мифологического персонажа часто не было, вредоносного персонажа называли просто *колдуньей*. Впрочем, в многочисленных костромских материалах, по сообщению О.А. Терновской, имя встретилось лишь в четырех населенных пунктах [Терновская 1984, 119]. Нет его и в опубликованном недавно детальном описании пережин, сделан-

ном там же П.А. Флоренским [Кулагина 2004, 222–223].

Пережинаха (*стрига*, *чертяшница*) представляется всегда реальной женщиной, обладающей сверхъестественными способностями. Ее считали *колдуньей* (*колдовской* – Чкаловский р-н), в Ковернинском р-не (д. Хрящи, д. Рассадино и др.) называли также *ведьмой* (*ведьма* и *колдунья* – там взаимозаменяемые термины). В пережине подозревали обычно кого-нибудь из односельчан: «На бабу Пелагею, покойную, думали. Она рядится там кем-то, оборотнем что ли, и зажинает хлеб. Про нее говаривали...» (зап. в 1998 г. Н. Григорьевой и Е. Баталиной от Екатерины Ивановны Потехиной, 1935 г.р., с. Дедово Навашинского р-на [ФА ННГУ, 62-26-44]); «У всех пережинали. Станут жать и смотрят – Катенька пережинала» (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Нины Ивановны Карнауховой, 1913 г.р., д. Никольское Чкаловского р-на [ФА ННГУ, 62-26-44]); «Все видели, что она зажинает, тетка Настя из соседней деревни» (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Таисьи Ивановны Дормидонтовой, 1925 г.р., д. Клопиха Семеновского р-на [ФА ННГУ, 62-24-23]); «Всегда полная житница зерна была у нее... (называется имя односельчанки. – К.К.). А с утра она жать придет. Все знают, что это она, но не говорят. Боятся» (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Евгении Павловны Мясниковой, 1917 г.р., д. Яковлево Чкаловского р-на [ФА ННГУ, 62-23-29]); «Егориха уводила – в Ильин день, то ли в Иванов день, <...> как-то обходила поле крест на крест и колоски состригала» (зап. в 1999 г. Н. Храмовой от Галины Петровны Втюриной,

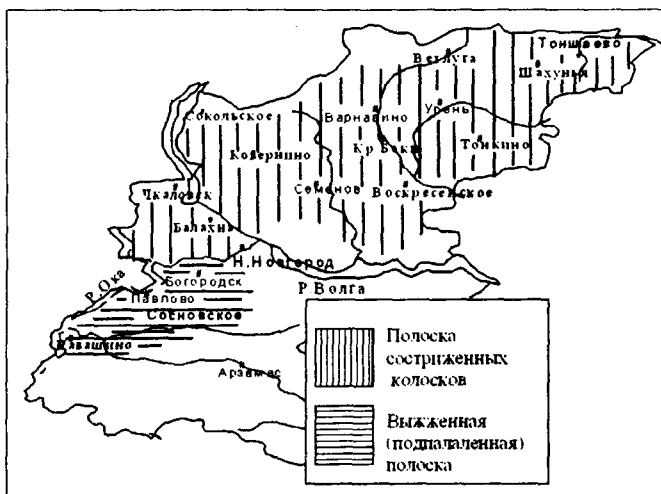
1924 г.р., д. Средние Луги Тоншаевского р-на [ФА ННГУ, 64-19-29]); «Вот мужчина из Павлова едет. Бает: слышу – трещит что-то. Думаю: поля, наверно, объезжают. Приехал – точно: бабки-то, соседки, нет. Она, значит, колдунья» (зап. в 1997 г. О. Бергер от Анны Михайловны Муровой, 1916 г.р., д. Чернеево Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-17-267]).

Колдовской облик пережинахи (стриги, чертяшницы) описывается редко. В Городецком и Павловском р-нах чертяшницу часто представляли старухой: «Старуха на клюке забирала урожай» (зап. в 1997 г. В. Головиной и О. Грачевой от Екатерины Михайловны Фадеевой, 1919 г.р., с. Давыдково Сосновского р-на [ФА ННГУ, 61-13-71]). В Варнавинском у. пережинаха – «баба простоволосая» [Гнилицкий 1910], «без креста и без пояса» (зап. в 1998 г. А. Зобниной от П.П. Мухина, 1916 г.р., д. Дресвищи Сокольского р-на [ФА ННГУ, 62-13-14]).

Признаком ее может быть белая одежда³: «Одега, как в гроб кладут – в саван»⁴ [Гнилицкий 1910] или обнаженность: «Голая ездил, голая-то по полю ездил!» (зап. в 1998 г. Л. Шаровой и А. Зобниной от Антонины Николаевны Власовой, 1926 г.р., д. Гари Сокольского р-на [ФА ННГУ, 62-1-110]). Она передвигается необычным образом: ходит по полю «пяткам», т.е. пятясь, ездит на метле (там же), сковороднике (с. Коробково Навашинского р-на), на клюке-кочерге (с. Сурулово, с. Детково Сосновского р-на; с. Давыдово Павловского р-на), скачет на ухвате (д. Тимоныкино Чкаловского р-на; Варнавинский у. [Терновская 1984, 121]), коромысле (р.п. Ковернино). «Пережинаха вылезает в утичное (у печи. – К.К.) окошко задом с клюкой» (зап. в 1998 г. А. Шукиным от Марии Ивановны Веселовой, 1938 г.р., д. Семино Ковернинского р-на [ФА ННГУ, 62-6-48]), вылетает из трубы (р.п. Ковернино).

³ Белый цвет, как известно, характеризует и других представителей «нечисти» [Толстой 1995, 154].

⁴ Смертная одежда на пережинахе отмечается и в костромских материалах П.А. Флоренского: «Одеваются "во все смертное", т.е. как мертвецы» [Кулагина 2004, 222].

Карта 2. Видимые повреждения поля.

Колдунья обладает способностью обращаться животным – «оборотнем рясилась»: собакой (с. Федурино Вацкого р-на), свиньей (р.п. Ковернино), «все больше в свинью оборачивалась» [Гнилицкий 1910]; «Один был, так он как кошка, и такую дорожку, как кошка, стриг» (зап. в 1998 г. И. Ворониной и А. Деминной от Анны Григорьевны Лебедевой, 1924 г.р., д. Большие мосты Ковернинского р-на [ФА ННГУ, 62-1-13]).

Уводя с поля урожай, колдунья оставляет видимые следы своего посещения. В нижегородской традиции называются три вида повреждения хлебного поля: на нем 1) сжаты, выжаты некоторые стебли; 2) сострижены колоски (иногда указывается – ножницами); в обоих случаях – на узкой полоске; 3) колосья подпалены – разновидность характерна для Поочья (ареал чертяшницы). В зоне, где распространен термин *стрига*, состриженные колоски являются единственным видом повреждения, т.е. на лексическом уровне наблюдается последовательное соответствие имени мифологического персонажа и его функции. В центральной зоне распространения пережинных поверий (ареал пережинахи) встречаются как сжатые стебли, так и состриженные колосья (карта 2): «Мы с мамой как-то рожь жали. Мама стала спон взать, посмотрела на уал (увал, пригорок. – К.К.) – и постриженные полоски, как есть шириной в два пальца. Далёко полоса, далёко видать было. Говорили, им (колдунам. – К.К.) с нашего хлеба в амбар сытятся, они и обжигают наши поля. Ни памято, ни тропы нет – ничего, а колоски сжаты. Бабы говорят: это колдуны, они с

бесьями водятся» (зап. в 1998 г. А. Деминой и Е. Шевяковым от Зинаиды Николаевны Лебедевой, 1920 г.р., д. Высоково Ковернинского р-на [ФА ННГУ, 62-3-183]); «*Пришли – созрела рожь. И вот така полоска по всему полю... Даже ни одного колоска не осталось – все колоски забрала*» (зап. в 1998 г. А. Деминой от Елизаветы Семеновны Храмовой, 1924 г.р., р.п. Ковернино [ФА ННГУ, 62-6-12]); «*В поле, где рожь растет, иногда появляются дорожки – это будто колоски сострижены. Это колдуньи были*» (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Елизаветы Федоровны Смирновой, 1908 г.р., д. Шалдеж Семеновского р-на [ФА ННГУ, 62-27-36]); «*Бывало, жнешь – строчку видать, что подпалена*» (зап. в 1997 г. А. Куделка от Марии Андреевны Богомоловой, 1915 г.р., д. Малое Мартово Павловского р-на [ФА ННГУ, 62-12-142]); «*Если есть на поле паленая полоса, значит, <чертяшницы> приезжали*» (зап. в 1997 г. В. Головиной и О. Грачевой от Эфолины Алексеевны Зародовой, 1930 г.р., д. Мордовское Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-10-101]); «*Так вот я и видела: вот така черточка, как сожжена, полоса. Всё поле прожгут, проедут*» (зап. в 1997 г. О. Бугаевой и М. Зданевич от Евдокии Васильевны Коростылевой, 1916 г.р., с. Коробково Навашинского р-на [ФА ННГУ, 61-18-82]). Обожженность хлеба в некоторых рассказах объясняется тем, что клюка колдуньи бывает раскаленной: «*Чертяшницы ездили на горячей клюке обжигать. След паленый на поле оставался*» (зап. в 1997 г. В. Головиной и О. Грачевой от Клавдии Ивановны Букиной, 1913 г.р., с. Большое Давыдово Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-11-214]). Поверье о подпаленных колосках встречается иногда в Костромском крае [Терновская 1984, 122]⁵.

В Приоche распространено представление, что колдуньи повреждают поле по краям, объезжая его кругом: «*Колдуны, которые хлеб с полей уводят, приезжают ночью на клюке, и поэтому вокруг поля появляется обожженная полоска*» (зап. в 1997 г. В. Головиной и О. Грачевой от Евдокии Александровны Красавиной, 1919 г.р., с. Большое Давыдово Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-9-85]); «*Мальга у нас в Шишкине была, прозвище ей такое было. Вот она на кочерге ездила. Там, где она*

ездит, поле маленько обожжено было. Она по кругу поля ездила, объезжала его. Это чтобы всё у нее было» (зап. в 1997 г. Ю.М. Шеваренковой от Георгия Ивановича Мاستрюкова, 1913 г.р., д. Шишкино Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-7-33]). Реже в этом ареале вид поврежденного поля описывается как одна полоска (*поперек поля*): «*Колдуны на клюке ездили поперек загона*»; «*Полоска... шла кривая*» (зап. в 1997 г. А. Куделка от Анастасии Михайловны Юрьевой, 1915 г.р., с. Сурулово Соновского р-на [ФА ННГУ, 61-29-29]); «*Говорили, что колдуны на клюке ездили поперек загона*» (зап. в 1997 г. В. Головиной и О. Грачевой от Елены Алексеевны Рыбакиной, 1920 г.р., с. Большое Давыдово Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-9-110]). В районах, прилегающих к Волге, обычно говорят о двух полосках «*крест-накрест*»: «*Колдуны эти пережигали поля крест-накрест*» (зап. в 1998 г. А. Щукиным от Егора Арсентьевича Щукина, 1923 г.р., д. Рассадно Ковернинского р-на [ФА ННГУ, 62-6-1]); «*Оне, говорят, ездили на ухватах крест-накрест*» (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Устины Евгеньевны Котельниковой, 1915 г.р., д. Тимонькино Чкаловского р-на [ФА ННГУ, 62-26-15]). Заметим, что в Поочье, где поле объезжали кругом, преобладает термин *обжигать* («*концы поля обжигали*», «*ездили хлеб обжигать*» и т.п.), в приволжских районах о пересечении поля говорят *пережигать*.

Считается, что колдуны наносят вред только ржаному полю. По сведениям из Чкаловского (д. Тимонькино) и Шахунского (д. Мураиха) р-нов пережинаха / стрига забирала лучшее зерно – спорынью: «*Она на поле на чемто едет и всё снимает спорынью. Это называется спорынья, которую она снимает. И эта спорынья вместе с рожью*» (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Зои Егоровны Темновой, 1933 г.р., д. Шеховская Чкаловского р-на [ФА ННГУ, 62-15-15]). Подобное свидетельство из Варнавинского у. имеется в ответах на анкету, предложенную Костромским этнологическим обществом в 1922 – 1923 гг. [Терновская 1984, 123]. В Тоншаевском р-не понятия спорины, которую уводит стрига, связано с особой ее сытостью: «*Егориха уводила с поля спорину*», т.е. «*сытость – маленьким караваем можно было досыта накормить десять мужиков. А у остальных хлеб становился пустой. <...> Спорина – ешь и не убывает*» (зап. в 1999 г. Н. Храмовой от Галины Петровны Втюриной, 1924 г.р., д. Средние Луги Тоншаевского р-на [ФА ННГУ, 64-19-29]).

⁵ Интересная гибридная форма имеется в материалах из Владимирской губ. [Поздняков 1899]: там спорыньевщик срезает колосья серпом, но колосья оказываются обожженными. Рассказчик поясняет: серп холодный, но «*имеет силу обжигать колос*».

На всей территории устойчиво бытует представление о том, что чертяшница / стрига / пережинаха, чтобы увести урожай, оставляет открытым свой амбар, житницу и зерно само идет к ней, потому что «беси помогают», «им черти в житницу зерно переносили» (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Владимира Олимпиевича Мясникова, 1916 г.р., д. Яковлево Чкаловского р-на [ФА ННГУ, 62-23-15]); «Пережинаха – это женщина-колдунья. Когда начинают жать рожь, оставляет открытым боковое окошко, скачет к своему амбару и открывает его, чтобы весь хлеб к ней ушел» (зап. в 1998 г. А. Шукуным от Марии Ивановны Веселовой, 1938 г.р., д. Семино Ковернинского р-на [ФА ННГУ, 62-6-48]); «А амбар уж открытый стоял – это чтоб весь хлеб к ней шел» (зап. в 1997 г. В. Головиной и О. Грачевой от Екатерины Михайловны Фадеевой, 1919 г.р., с. Давыдково Сосновского р-на [ФА ННГУ, 61-13-71]); «У колдуна, если он хлеб с поля уводит, у погребка есть щель не заколоченная» (зап. в 1997 г. В. Головиной и О. Грачевой от Елены Алексеевны Рыбакиной, 1920 г.р., с. Большое Давыдово Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-9-110]); «Одна у нас, говорили, объезжает поля. Где проедет, как спалена полоса. У нее амбар открыт – ей туда черти зерно возят» (зап. в 1997 г. О. Бергер от Анны Михайловны Мудровой, 1916 г.р., д. Чернеево Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-17-267]). Встречается в нижегородском ареале для обозначения передвижения хлеба и выражение «течет зерно»: «Шла пяткам, чтобы ей в сусек текло много зерна» (зап. в 1998 г. А. Зобниной от Анисьи Семеновны, 1910 г.р., д. Гари Сокольского р-на [ФА ННГУ, 62-14-135]).

Пережины поля календарно приурочиваются ко времени, «когда рожь зацветает», «когда колосья начнут наливаться», – началу жатвы. Но чаще всего хождение колдуньи в поле связывается с ночью на Ивана Купала, или Ивана Травника / Цветника: «Раньше такие люди, чертяшники, были. Они все поля обжинали в час ночи, чтобы зерно к ним шло» (зап. в 1997 г. Ю.М. Шеваренковой от Любови Федоровны [фамилия не указана], 1913 г.р., д. Лаптево Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-11-179]); «Это на Иванов день эти... пережинают поля, эти колдуны-то» (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Зои Семеновны Чагиной, д. Трофаново Чкаловского р-на [ФА ННГУ]).

Сведения о том, что делает колдунья с остриженными колосками, в нижегородских материалах единичны. Иногда говорится, что она

складывает их в «слебную площадку»: «В Ивана Травника видали, что Марья ходила по полям перед жатвой с хлебной площадкой и состригала в нее колоски, чтобы зерно-то к ней шло» (зап. в 1998 г. Е. Шаровой от Татьяны Константиновны Игнатьевой, 1927 г.р., д. Ковернино Сокольского р-на [ФА ННГУ, 62-13-102]), чаще указывают лишь, что колоски попадают колдуну в сусек: «... Она этими полосками шла и постригала по колосочку, к себе всё клала, клала, клала. И вот, когда настригет, домой принесет, тогда ей вражеская сила натаскивала, оказывается, полные сусеки зерна» (зап. в 1998 г. Н. Рыбаковой от Надежды Ивановны Богдановой, 1927 г.р., д. Осинка Воскресенского р-на [ФА ННГУ, 62-20-36]); «А вот полоски они обжинаят <...> маненько нажнут – всё в сусек им прибишь. <...> – Почему прибишь, ведь немного брали? – Ну, ведь нечистая сила им добавляла, ведь они колдуны» (зап. в 1997 г. О. Бугаевой и М. Зданевич от Евдокии Васильевны Коростылевой, 1916 г.р., с. Коробково Навашинского р-на [ФА ННГУ, 61-18-82]). Единичны и сведения о количестве уводимого хлеба. По описанию П.А. Флоренского, в Костромском крае пережин происходит несколько иначе: пережинающий «проходит сквозь ниву», зажинает, «сколько возьмет рука», и бросает колосья «назад себя» [Кулагина 2004, 222–223].

Считалось, что уходит урожай к колдунам в день зажина, т.е. первый урожай, поэтому первый хлеб старались защитить. В нижегородских материалах упоминается о нескольких способах защиты урожая. В Павловском р-не (д. Мордовское) по краям поля завязывали стебли узелками. Самым распространенным приемом защиты было «закрещивание» поля. В районах по Волге выше Нижнего Новгорода, а также в Заволжье поле охраняли крестом из колосьев: в первый день зажинали два-три небольших снопа и клали их крестом на полосу или «наваливали крестом» на несжатую рожь. Ср.: «Чтобы хлеб не уводили, когда жали, то клали семь крестов», определенное число снопов «крестом раскладывали» (зап. в 2000 г. И. Мочаловой и И. Смирновой от Веры Александровны Зеленовой, 1910 г.р., д. Мамлейка Сеченовского р-на [ФА ННГУ, 65-9-37]); «В Иванов день пережинают. Чтобы не пережинали, зажинают сами две горсти и кладут крестом на поле, чтобы не пережинали всякие колдуны» (зап. в 1998 г. И. Ворониной и А. Деминой от Анны Григорьевны Лебедевой, 1924 г.р., д. Большие Мосты Ковернинско-

го р-на [ФА ННГУ, 62-1-13]). В Семеновском р-не (д. Шалдеж) клали снопы крестом на скрещенные руки, т.е. делали двойной крест для защиты.

Повсеместно принято было в первый день жать совсем немного. *«Почему в первый день жаты все жнут мало? Находились женщины, которые пережинали в первый день всё поле. Сколько ты в первый день нажнешь, то всё это ей будет»* (зап. в 1998 г. А. Щукиным от Егора Арсентьевича Щукина, 1929 г.р., д. Рассадино Ковернинского р-на [ФА ННГУ, 62-6-1]). *«Были такие тропочки видно. А в первый день, что начнут жать, то идет этому в амбар, он и станет богатый. На Ивана Цветника делали»* (зап. в 1998 г. А. Зобниной от Анисьи Семеновны, 1910 г.р., д. Гари Сокольского р-на [ФА ННГУ, 62-14-135]). Когда наступает время уборки ржи, накануне жатвы зажинают горсть и оставляют в поле. *«Эта горсть должна уйти ведьмам, иначе весь урожай уйдет им»* (зап. в 1998 г. А. Щукиным от Егора Арсентьевича Щукина, 1929 г.р., д. Рассадино Ковернинского р-на [ФА ННГУ, 62-6-1]). *«Сжинали в первый день только два снопа»* (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Владимира Олимпьевича Мясникова, 1916 г.р., д. Яковлево Чкаловского р-на [ФА ННГУ, 62-23-15]). В Шахунском р-не (д. Мураиха [ФА ННГУ, 36-7-49]), чтобы обезопасить урожай, зажинали первый сноп маленьким, его приносили домой, надевали на кол забора и говорили: *«Это стриге спорино»*. В селениях Богородского (д. Шилово, д. Шарголи) и Павловского (с. Детково) р-нов в первый день *«зажинали полынку»* – полынь, растущую рядом с полем, говорили: *«Пусть беси полынку едят, а не хлеб»*; *«Полынь ломали, чтобы у чертятников хлеб был горький. А потом уж хлеб жали»* (зап. в 1997 г. Ю.М. Шеваренковой от Клавдии Ивановны Букиной, 1909 г.р., с. Детково Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-11-214]). В Семеновском р-не с той же целью зажинали крапиву (по-местному *«коловатику»*): *«На Иванов день рожь пережинала колдунья какая-то, тогда ходила. Придешь жать, а рожь пожата. И когда пойдут бабы жать, и коловатику пожнут серпами, и потаскает она в сусек этой коловатики»* (зап. в 1976 г. И. Мухиной от Федора Григорьевича Караванцева, 1902 г.р., д. Бараниха Семеновского р-на [ФА ННГУ, 39-8-38]).

Популярным в нижегородской фольклорной традиции был мотив распознавания колдуньи-пережинахи (стриги, чертяшницы). Колдунью, уводящую урожай, пытались обнаружить с помощью креста: *«А раньше ведь, бы-*

вало, из церкви брали крест животворящий и возили его на санях. К каму он идет свободно в дом, а к ей (пережинахе. – К.К.) – никак. Значит, она этим делом занималась» (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Нины Ивановны Карнауховой, 1913 г.р., д. Никольское Чкаловского р-на [ФА ННГУ, 62-26-44]). Считалось, что пережинаху могут определить знахари – люди, обладающие сверхъестественными магическими знаниями: *«Поля пережинали <...>; знахари говорили, что колдуньки это пакостят»* (д. Дейцево Балахнинского р-на). К сожалению, в материалах не указан способ узнавания «колдуньки». Мог определить пережинаху мельник, также принадлежащий к людям «знающим». Он определял по характеру зерна: *«Когда будет мельник молоть, уже знает, чувствует, что это колдунья – неспроста это зерно»* (д. Тимонькино Чкаловского р-на). В Нижегородском крае, в Заволжье и Причье, записаны былички о неудачной поимке пережинахи / чертятницы, включающие типичные мотивы быличек о колдунах: колдунья вылетает на метле из трубы; оборотня калечат (ударяют ножом, потом следы ножа обнаруживают у колдуньи); колдуна можно убить пуговицей и др.: *«И вот на Ивана-то Купалу в ночь-ту <...> она из трубы вылетит и полетела, полетела, полетела! Оне уж ночью-то не разглядела, у ей помело было там или что»* (зап. в 1998 г. Е. Шевяковым и А. Деминой от Елены Семеновны Храмовой, 1924 г.р., р.п. Ковернино [ФА ННГУ, 62-6-112]); *«Видели все, что она зажинает. <...> Ее стерегли мужики, стреляли пуговицей. Ее в воротах поймали, она вырвалась, как свинья, только ухо поранили»* (зап. в 1998 г. А. Никишиной от Таисьи Ивановны Дормидонтовой, 1925 г.р., д. Клопиха Семеновского р-на [ФА ННГУ, 62-24-23]); *«У нас в Афонине поля пережинали. <...> Бывалоча в старину. Вот пришел из армии, и винтовку ему с собой давали. Он и говорит: "Давайте подстрелим, нам за это ничего не будет – не вреди поля!". <...> И он застрелил ее... Пришли, глядят – мать, вот пережинала-то кто поля!»* (зап. в 1998 г. Е. Шаровой от Александры Еврастовны Седовой, 1923 г.р., д. Афонино Сокольского р-на [ФА ННГУ, 62-14-111]).

В Ковернинском р-не распространены также былички о том, как удается перехитрить колдунью: *«Такая ведьма открыла дверь своего амбара, когда жать начали, и кричит: "Мне! Мне!". А один мужик и сказал: "А мне?". Ветер подул, и всё зерно передумо к нему»* (зап. в 1998 г. А. Щукиным от Николая Константи-

новича Комягина, 1937 г.р., д. Хрящи Ковернинского р-на [ФА ННГУ, 62-6-79]); «*Пережастое поле сама выдела: старуха с молитвой* (т.е. заговором. – К.К.) *шла, пяткам, чтобы ей в сусек текло много зерна. А одна женщина увидала и говорит: "Что куме, то и мне". Они обе потом богатыми стали*» (зап. в 1998 г. Е. Шаровой и А. Зобниной от Анисьи Семеновны, 1910 г.р., д. Гари Сокольского р-на [ФА ННГУ, 62-14-135]). Подслушивание и повторение сакральной формулы – мотив, встречающийся в ряде фольклорных жанров, в том числе в сказке. В Заволжье он связан также с поверьями и быличками о магических действиях, обеспечивающих чудесное получение чего-либо. Он встречается, например, в рассказах про колдуний, отнимающих молоко.

Большинство компонентов «пережиночного» комплекса имеют в нижегородской зоне повсеместное распространение и пространственно не дифференцируются (Иванов день как основное время пережина, мотивы открытого амбара, защиты первого урожая и др.). Однако по характеру народной терминологии на нижегородской территории выделяются три ареала (карта 1): Поочье (Навашинский, Павловский, Богородский, Сосновский р-ны), где колдунью, ворующую урожай, называют *чертяшницей*, а повреждение поля – *обжином*, *зажиним*; 2) междуречье Оки и Волги (Балахнинский, Чкаловский р-ны) и примыкающие заволжские районы (Сокольский, Чкаловский), где колдунью называют *пережинхой*, а повреждение поля – *пережином*; 3) восточная часть территории, включающая Семеновский р-н, Поветлужье и Заветлужье (Шахунский р-н) – ареал распространения термина *стрига* и сравнительно редко встречающийся термин *пережин*: о повреждении хлеба здесь чаще говорят как о полоске с «*обстриженными колосками*».

На границе ареала пережиночного комплекса в целом в его состав попадают нетипичные для него мотивы. Например, в Воскресенском р-не среди атрибутов стриги появляется нить, нигде более не встречающаяся: «*Какие-то стрижки были. Они с нитками-то выходили на поле-то, колдовать-то. Бабы наряжались в белое. Идут с каким-то колдовством. Стригли головки хлебушка-то, чтоб дамой себе принести. И если их увидят и перехватят, нить перервут, она уже дамой не придут – умирает тут же, если перестрижешь их нить-то. А теперь ведь это не слышать, не видеть*» (зап. в 1998 г. Н. Рыбаковой от Зои Егоровны Кекшиной, 1931 г.р., с. Владимир-

ское Воскресенского р-на [ФА ННГУ, 62-10-100]). Здесь нить, вероятно, как сказочный клубок ниток, должна указывать зерну путь к амбару, и, кроме того, она связывает колдунью с «этим» миром, с жизнью.

Поверья о пережине полей уже исследовались на материале территорий, смежных с нижегородской зоной, что позволяет рассмотреть нижегородский комплекс в более широком контексте. О.А. Терновская выделила на широком русском материале два типа поверий о пережине, пространственно определяемых как 1) юго-западный ареал, который по характеру основного персонажа назвала «ареал простоволосых пережинщиц в белой одежде»; 2) северо-восточный – «ареал перевернутых колдунов» [Терновская 1984, 120]. Эти типы поверий, как указывает исследовательница, стилизируются на территории Костромского края [Там же, 125]. В этом контексте нижегородская территория является, вероятно, маргинальной зоной, в которой черты юго-западного типа преобладают, особенно в Приочье и междуречье Оки и Волги.

Для нижегородских пределов не типичен образ колдуна, который ходит во ржи вверх ногами. Он встречается здесь эпизодически по северу территории. Нет и соответствующих ему мотивов перевернутых икон и зерен («*вниз носкам*»). В материалах Фольклорного архива ННГУ имеется лишь одна запись о перевернутости из Городецкого р-на: «*Как ездили молотить, у колдуна зерно стойкам стоит. И тут все сразу видели, что это колдун*» (зап. в 1986 г. Е. Казаковой и Л. Беловой от Ольги Ивановны Соловьевой, 1918 г.р., д. Первомайка Городецкого р-на [ФА ННГУ, 50-7-130]). Здесь повсеместно распространён образ женщины-колдуни, довольно часто в белой одежде. По сведениям О.А. Терновской, имеется всего одно свидетельство, относящееся к территории Костромского края, о том, что колдуньи раздвигались донага, но данная версия начинает преобладать по мере движения к югу и западу восточнославянского ареала [Терновская 1984, 128]. На нижегородской территории при меньшем количестве записей о пережинах образ нагой колдуни встречается неоднократно, что тоже роднит локальную маргинальную традицию с юго-западным типом. Для всей нижегородской территории, как и для юго-западного типа, характерна включённость поверий о пережине в жатвенную обрядность.

В то же время здесь не отмечено характерное для юго-западного типа защитное сожже-

ние первых снопов⁶ (имеется лишь одно не очень ясное свидетельство: «*Бригадир посылает старух: "Идите зажинать". Стойкой поставят снопы, потом сжигали*» (зап. в 1997 г. Ю.М. Шеваренковой от Анны Васильевны Ворониной, 1914 г.р., д. Завалищи Павловского р-на [ФА ННГУ, 61-7-195]). Кроме того, здесь сформировалась специфическая терминология.

Литература

Агапкина 2002 – *Агапкина Т.А.* Мифологические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

Виноградова 2004 – *Виноградова Л.Н.* Пережин // Славянские древности: Этнолингв. словарь в 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 682–684.

Гнилицкий 1910 – *Гнилицкий И.* В нашей глуши. I. Стрига // Костромская жизнь. 1910. № 19.

Ефимова 1997 – *Ефимова Е.С.* Поэтика страшного в народной культуре: мифологические истоки. М., 1997.

Корепова 1976 – *Корепова К.Е.* [Коротко об экспедициях] // Советская этнография. 1976. № 2. С. 159–160.

Кулагина 2004 – *Кулагина А.В.* П.А. Флоренский // Православные священные – собиратели русского фольклора. М., 2004. С. 212–236.

Поздняков 1899 – *Поздняков Т.* Спорыньевщик // Владимирские губернские ведомости. 1899. № 32.

Терновская 1984 – *Терновская О.А.* Пережины в Костромском крае (По материалам анкеты «Куль и народное сельское хозяйство» 1922 – 1923 гг.) // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 117–129.

Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Белый цвет // Славянские древности: Этнолингв. словарь в 5 т. М., 1995. Т. I. С. 151–154.

Сокращения

ТОРП – Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. Л., 1985.

ФА ННГУ – Фольклорный архив Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Архивный шифр состоит из последовательности цифр: первая цифра обозначает номер коллекции, вторая – номер единицы хранения, тре-

⁶ Сложный охранный обряд, связанный с сожжением первых сжатых снопов, существовал в некоторых местностях Костромского края. Он описан П.А. Флоренским: «<...> Чтобы воспрепятствовать <...> пережинанию ржи, надо <...> нажать по три снопа каждому со своей копны. Затем все эти снопы сносят в одно место и обмолачивают их. Солому сжигают так, чтобы при сжигании соломы пепла никто не брал. Его бросают в реку. Обмолаченную же рожь продают и покупают на вырубленные деньги восковую свечу в церковь (рубля по полтора-два). Когда зажгут эту свечу, то пережавший человек помирает» [Кулагина 2004, 223].

И.В. ТУРУСОВ

ОКСКИЕ ПРЕДАНИЯ О РАЗБОЙНИКЕ РОЩИНЕ: ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА К ФОЛЬКЛОРУ, ЛИТЕРАТУРЕ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Атаман Кузьма Рошин – герой народных преданий, известных нам до недавнего времени лишь по записям, сделанным в деревнях и селах Выксунского р-на Нижегородской обл. Первоначально предполагалось, что разбойник Рошин является исключительно местным фольклорным персонажем, ничем другим не отличающимся от многочисленных нижегородских разбойников, рассказы о которых записывались в различных сельских районах области.

Рассказы о Рошине, включенные в фольклорный сборник «Предания и сказки Горьковской области», составленный московской писательницей-фольклористом Н.Д. Комовской (1897 – 1986), побывавшей в Выксунском р-не в 1937 г. по командировке Союза писателей СССР [Комовская 1951], а также зафиксированные фольклорными экспедициями Горьковского государственного университета, действительно представляли в основном типологические разбойничьи мотивы. В них говорилось о том, что Рошин «*мужиков не обижал, к мужикам дружелюбный был*», нападал на речные суда и «*если богатого – грабил, если бедняка – помогал*» [Комовская 1951, 57], одной старухе дал десять рублей на покупку коровы [Комовская 1951, 59]. Кроме того, «*был он как наговоренный. Простая пуля его не брала. <...> Медью его убили*» [Комовская 1951, 61], погиб он из-за предательства женщины [Там же], оставив много «заклятых» кладов [Комовская 1951, 64–66]. Типологичность мотивов рошинских преданий отмечали В.К. Соколова и Н.А. Криничная, упоминавшие их в монографиях [Соколова 1970, 147–166; Криничная 1991, 106].

В преданиях не сообщалось, в какое время жил и разбойничал атаман Рошин, однако чаще всего его происхождения соотносили с деятельностью заводчиков братьев Ивана и Андрея Багашовых, основавших в 1750 – 1770-х гг. выксунские металлургические заводы. Более того, на основании выводов, сделанных Н.Д. Комовской, было принято считать, что разбойник Кузьма Рошин – по большей части фольклорная фигура, так как «в ар-